

Рафаэль ШУСТЕРОВИЧ

Рафаэль Шустерович родился под Москвой, жил, учился и работал в Саратове, с 1993 года в Израиле. По профессии инженер-физик. Поэт, переводчик стихов с английского и других языков. Публиковался в журналах «Крещатик», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Зарубежные записки». Автор «Волги» с 2010 года.

САРАБАНДА

аллегория осязания

В начале было касание, – поежилась протоплазма, –
что мне пророчит этот безумный Брайль
кроме непостижимого спазма,
который не может соврать?

Так коготком игла тревожит бороздку шеллака,
так обнимают мрамор, прижимают гранит,
так завершается безнадежная драка –
но еще болит.

Не вуаль ли Страцца, не мезонное ль облако,
входом в черный туннель?
Перед последним обмороком
шиповник, крапива, хмель.

NN преследуют две-три случайных фразы:
«зло, погибая, оставляет метастазы»,
«уймись, гордыня»...
Бредут слепые, не ощупывая почвы,
в себе и в спутнике не признавая порчи,
горчит пустыня.

Беги, NN, один, химерами гонимый,
в воображении своем незаменимый,
рудиментарный,
когда еще ты снова сможешь кодом речи
отточить что-то непреклоннее и резче
во тьме словарной.

сарабанда

Гейнсборо, Гендель, пудра на лица,

Выпад уколом из-за спины,
Все же придется поторопиться –
Масть отложились, карты сданы.

Барри мой, Барри, где твоя слава;
Глаз насторожен, рука горяча.
Там, где сокровище – там и отравы,
Бейте наотмашь, рубите плеча.

Листья горчащие, свет незакатный,
Свадьбы небесные, приступов дым.
Только доверься меченым картам –
Как по листе, ускользаешь по ним.

Родина детство, так ли неправы
Те, кто бежать не желает от грёз...
Линдон мой, Линдон, где твоей славы
Подвиг младенческий, вызов желёз.

корона

*Дубы бывлые ныне торф, но вязы лезут вверх.
(Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану)*

Под вязом отрыли корону империи.
Такого еще не бывало в истории,
Не зря мы замечены в высокомерии,
Хоть это уже из другой категории.

Поручим конторе распутывать дело –
Рентген, микрошлифы и генный анализ:
Пока здесь бурлило, пылало, кипело,
Столетия прошли, времена поменялись.

Где солнце? Над дубом. Где бездна? Под вязом.
Где зритель? В полях, на трубе – он в наличии,
Нанялся в спецназ, покалечен спецназом...
А всё же – величие. Всё же – величие.

кафедра

памяти Алексея Ивановича Гуляева

О, урок анатомии доктора Тульпа,
Чем ни тешится злая – чума ли, простуда, –
В расфуфыренный театр – рукава с кружевами –
На скоблёный помост попадаем мы сами.

То ли зритель ты здесь, то ли тема разбора,
То ли сам оператор, сменяемый скоро, –
Все при деле, всё в тон устроителю сцены,
Все нужны – и для хода урока бесценны.

Воздымаешь ты руку со скорбного ложа –
На живого тебя это больше похоже,
И из дали венозной, серозной, желтушной
Озаряешь улыбкой своей прямодушной.

Аве, царь препаратов, распахнутых почек,
Васильковых оттенков для будущих строчек,
Составитель трактатов, касик семинаров,
Проповедник тавлей, отражатель ударов,

Сам принявший удар от бесстрастной науки
Побеждать – и уже умывающей руки...

наброски

Дородный шах сражает тигра.
И выразительно, и тонко.
Менада тирсом бьет сатира,
Изида пестует ребенка.

Бог солнца обдирает кожу
С зарвавшегося конкурента, –
И я, зевака, все итожу
Детали яркие момента

И полагаю: в малых формах
С тобой мы сохранимся где-то –
На черепках нерукотворных,
В хламидах вольные одеты.

Что может быть земли надежней,
Добротней обожженной глины –
Для каждой выходки острожной,
Рассчитанной до половины?

И ты стило ведешь, и точной
догадкой воскрешаешь плоскость –
и лист бессмертный, непорочный
летит в раскрывшуюся пропасть.

второй пленэр

– Слишком фигуративно.
– Что?
– Слишком фигуративно, чтобы стать правдой. Поляны диких орхидей, коленца тесаного водополя. Выветренная клинопись известняков, вздыбленный хребет, холмики тающих градин у ног лазоревых горечавок. Застывшая грузноватая серна, выбирающая, куда прыгнуть. Осыпной перевал и тропа, нисходящая в туман. Еще текучий, янтарь соснового урожая. Двадцать тысяч тогдашних предательств против впятеро меньшего числа безнадежных гордостей. Надо убрать все это, разбросать несколько слов на тонированном листе:, мазнуть по ним черной краской: //.\.// ..// .\// .\.\// ..\ ... Пусть каждый хоронит свое забвение, пусть каждый ласкает свой черный подсолнух.

династическое

Господин из Ришон-ле-Циона,
оснащенный традиционно
альпенштоком, ботинками, шляпой,
перепрыжкой слегка косолапой
сочетающий камень и камень
на тропе, в неуверенной карме,

господин из Ришон-ле-Циона,
выступающий грациозно,
попирающий влажные склоны,
где купены и анемоны,
подбирающий землянику –
на чужую долину взгляни-ка:

там, почти не имея веса,
голубянки парят и ванесса,
и туман рождается белый
над упрямой рекой пеннотелой,
и молчит на обрыве рябина
в ореоле внезапного сплина.

Господин из Ришон-ле-Циона,
семен*и* безапелляционно
по альпийским лугам необъятным
с ощущением каким-то невнятным,
что-то древнее вспоминая:
где нет ада – не надо рая...

счастливой годовщины

Чешуя жестяной рыбы дребезжит на перекрестке,
облетают хлопья краски с «Рюмин, Лямин и Ко»,

назирая, ходят парой хулиганы-переростки,
бесконечно повторяя горделивый цикл Карно.

Снова немцы портят вечер бесконечным понуканьем,
и судьбой бомбардировщик так несправедливо сбит,
что не видится различий меж Хайдеггером и Кантом,
и глаза газет закрыты, только трубный глас трубит.

Лейся, флейта, взвейся, песня, ной, походная жалейка,
остывай на лицах, метка от прощальных новых губ,
оглянуться – хоть ты тресни: суть-индейка, жизнь-копейка,
кто он, этот Рюмин-Лямин, всё бы высказать ему б.

культпросвет

музей материальной культуры
зал опалубки и арматуры

казематы убежища доты
архитекторы дутов зотов

папских замков подвалы до закладки вин
по ядру к ноге и вот ты один

так человека прячут от человека
приручи таракана и то утеха

стендовый доклад о структуре цемента
в свете исторического момента

расчеты толщин и прочности стен
чтобы уже не достало совсем

что же в стенку стучат стучат
не иначе весточки от внучат